

картины мира // Вопросы философии. – 1972, №10. – С 36 – 47. 4. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа: пер. с нем. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: URSS, 2004. – 232 с. 5. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика Сборник. – М.: Прогресс, 1985. – С. 79 – 128. 6. *Гете И.В.* Фауст: Трагедия: пер. с нем. – М.: АСТ, 2003. – 463 с. 7. *Гумбольдт фон В.* Язык и философия культуры. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с. 8. *Гуссерль Э.* Логические исследования // Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – М.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – С. 5 – 287. 9. *Платон.* Государство // Избранные произведения. – М.: Мысль, 1998. – С. 63 - 382. 10. *Хайдеггер М.* Картина мира // Время и бытие. – М.: Изд-во «Республика», 1993. – С. 41 – 62.

Поступила в редколлегию 21.12.07

УДК 162

М.В. СМОЛЯГА, канд. филос. наук,
Г.Г. СТАРИКОВА, канд. филос. наук

ПОНЯТИЕ И ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В статті аналізується становлення міждисциплінарної структури сучасної науки, зокрема, важливе місце віртуалістики в гуманітарних та природничих дослідженнях. Особливу увагу приділено комунікативній характеристиці віртуальних світів людини та її ролі у розвитку постнекласичної науки.

This article is connected with the problem of becoming the interdisciplinary structure of science. The analysis of the virtual methods in humanitarians and natural sciences also is given in the article. The especially attention is given to the communicated characteristics of the human's virtual worlds and there part in modern science.

В статье анализируется становление междисциплинарной структуры современной науки, в частности, важное место виртуалистики в гуманитарных и естественнонаучных исследованиях. Особое внимание уделено коммуникативной характеристике виртуальных миров человека и ее роли в развитии постнеклассической науки.

Актуальность темы исследования. Один из ключевых вопросов становления современной научной картины мира связан с включением междисциплинарного субъекта познавательной деятельности в схему открытой постнеклассической рациональности и производства теоретических знаний. Новый постнеклассический этап развития науки характеризуется сдвигом мировоззренческой парадигмы, затрагивающим самые различные аспекты: синергетику, виртуалистику, глобалистику, когнитивистику, постнеклассическую психологию и т.д. Особое значение для разработки современных методов познания в онтологическом и эпистемологическом направлениях имеет развиваемая в настоящее время концепция виртуальности.

Степень разработанности проблемы. Виртуальная реальность стала сегодня особым объектом исследования в науке, феноменом для изучения в философии, технологией и пространством жизни человека. Это делает возможным и актуальным синтез предложенного В.С. Степиным концепта постнеклассического типа научной рациональности и нового междисциплинарного подхода, названного Н.А. Носовым виртуалистикой.

Постнеклассический тип научной рациональности сопоставляется В.С. Степиным с научной рациональностью классического и неклассического образцов. При этом основное разделение типов рациональности опирается на специфическое различие структурных связей субъекта познания и его объекта [3, с. 381]. Классический тип научной рациональности, согласно этой концепции, сосредоточен на фигуре объекта, элиминируя субъект как фон и рассматривая эту элиминацию как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Однако автономный уровень методологической рефлексии в этот период еще не сформировался, а потому отсутствует и методологический субъект как таковой с его собственным предметом.

Неклассический тип научной рациональности, опираясь прежде всего на познавательный опыт квантовой механики, включает в «фигуру объекта» средства его конструирования как задающие инструментальную перспективу возможности его наблюдения. Но субъект по-прежнему остается частью фона, причем фона в значительной мере неосознаваемого.

И, наконец, постнеклассический тип научной рациональности становится таковым в процессе расширения рефлексии познающего субъекта над собственной деятельностью. Тем самым он становится наблюдателем-участником того, что им наблюдается. Для этого типа рациональности характерно растущее рефлексивное осознание различных познавательных ситуаций как многообразия циклически самоорганизованных интересубъективных коммуникаций, открытых для восприятия трансдисциплинарного коммуникативного субъекта.

Важно подчеркнуть, что все три типа научной рациональности находятся между собой в тесной коммуникативной связи, как в диахроническом, историческом измерении, так и в смысле сосуществования. Это особенно справедливо в отношении постнеклассической науки, осознающей себя не столько в качестве открывающей реальность, сколько конструирующей ее. При этом конструирование осуществляется с позиций человекомерной истины, соотносимой как с человеком, так и с самоорганизующейся Вселенной, частью которой он является [3, с. 382]. Такого рода рассуждения ставят вопрос о существовании методологического субъекта и его статусе.

Подобная постановка вопроса напоминает ситуацию, сложившуюся в современной виртуалистике. Н.А. Носов определяет виртуальную реальность, независимо от ее «природы» (физическая, психологическая,

социальная, биологическая, техническая и пр.), посредством указания на следующие четыре ее фундаментальных свойства: порожденность, актуальность, автономность, интерактивность.

- Порожденность. Виртуальная реальность производится активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней.
- Актуальность. Виртуальная реальность существует актуально, только «здесь и теперь», только пока активна порождающая реальность.
- Автономность. В виртуальной реальности свое время, пространство и законы существования (в каждой виртуальной реальности своя «природа»).
- Интерактивность. Виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них.

Сходство концепций постнеклассической рациональности и виртуалистики можно усматривать прежде всего в том, что обе они так или иначе фокусируются на фигуре субъекта, который находится в процессе становления. Однако в постнеклассике и виртуалистике становление субъекта реализуется в разных контекстах. Постнеклассика, формирующаяся в качестве концептуального продукта развития современного междисциплинарного познания, передний край которого символизируют квантовая космология и синергетика, уделяет больше внимания антропному и эволюционному аспекту проблемы. Виртуалистика же пытается зафиксировать свою «ускользающую» реальность, прежде всего, в качестве создаваемой (или порождаемой) современными информационными технологиями и психотехнологиями, а также их взаимодействием с современным искусством и сферой культуры.

«Субъект, который становится» выглядит в постнеклассике и виртуалистике по-разному, поскольку различны пути их становления. Так, постнеклассический субъект порождается в рефлексивных практиках «второго порядка», создающих коммуникативную реальность «нового диалога человека и природы» (И. Пригожин), процесс объективации которой делает его субъектом-носителем ценностно-познавательного сознания. Становление коммуникативного субъекта постнеклассической науки с необходимостью вынуждает нас мыслить его в виде распределенного во времени множества виртуальных событий-встреч с «Другими» и с самой собой. Мы имеем дело с субъектом, виртуально наделенным такими основополагающими чертами сознания, как рефлексивность и интенциональность.

Очевидно также, что коммуникативная реальность – это, прежде всего, реальность интересубъективных коммуникаций, природа которой определяется, помимо прочего, как особенностями вовлекаемых в нее

субъектов, так и глубиной этой вовлеченности. В этом смысле виртуальная реальность, как неявная предпосылка возможности коммуникации, вошла в неклассическую науку не только через онтологию квантовой механики, но и через сознание ее субъекта [1, с. 16].

В постнеклассике существуют значительные междисциплинарные трудности, связанные с построением общей картины мира. Они не дают возможности объективированного коммуникативного включения виртуальной реальности в контекст той сложной саморазвивающейся системы, с которой, в качестве объекта, имеет дело постнеклассическая наука. В.С. Степин выделяет среди сложных саморазвивающихся систем особый класс человекоразмерных систем [3, с. 387]. Но если человек присутствует в этих системах в качестве объекта, то как быть с миром его внутренних психологических состояний и переживаний, которые, вообще говоря, объективации не поддаются? Как быть с тем, что именуется его субъективным опытом, его индивидуальным сознанием? Именно с этим миром в первую очередь и соотносится то, что Н.А. Носов называет виртуальной реальностью.

В нашем мире интернет становится все более эффективным инструментом интерактивной глобальной коммуникации. Не в последнюю очередь благодаря этому человеческая деятельность приобретает характер конструктивного установления новых коммуникативных связей между разного типа реальностями: вещественными, информационными, чувственно-эмоциональными, знаково-символическими, интеллектуальными и духовными. Таков общий социокультурный и антропологический контекст становления трансдисциплинарного субъекта постнеклассической науки в качестве одновременно субъекта нелокального и виртуального.

Очень важным при этом, как онтологически, так и в эпистемологическом контексте, является разграничение реальностей естественных, найденных, открытых, и реальностей искусственных, созданных, сконструированных. Постнеклассическая наука имеет дело с реальностями обоих типов. В частности, искусственная реальность – это реальность создаваемой человеком техники, средств коммуникации, информационных технологий вместе с рефлексивно-коммуникативными схемами-моделями деятельности по их конструированию и использованию. Но искусственная реальность – это и реальность социума, реальность культуры, реальность художественная: реальность живописи, литературы, музыки. В настоящее время исследователи и искусствоведы все чаще говорят об этих реальностях как о виртуальных.

В работах, посвященных виртуальному в искусстве, высказывается мысль, что различные миры искусства – литературные произведения, живописные полотна, театральные постановки, кинофильмы – делает виртуальными то, что 1) содержание этих произведений создается, конструируется их авторами; 2) несмотря на то, что их содержание отражает

реальность, это отражение является неполным или, употребляя термин С.С. Хоружего, «недовоплощенным» [4, с. 55]. В дополнение к такому пониманию в современных исследованиях предлагается следующая формулировка: «Виртуальное – это иллюзия реальности; тем не менее она дана нам в чувственном опыте: знание о ней мы получаем посредством тех вполне реальных эффектов, которые она производит» [2, с. 31].

Подлинное бытие художественных объектов не есть их материальное бытие. Материальное бытие имеют тексты, ноты, холсты, доски, краски и даже звуки музыкальных произведений и изображения на холстах. Но отнюдь не это делает их произведениями искусства. Такой статус им придают те смыслы, которые генерируются изображениями на полотнах, литературными текстами, движущимися изображениями на экранах. Искусство зарождается в человеческом сознании, в нашей реакции на мир скорее, чем в самом видимом наблюдаемом мире. Между объектами и их изображением стоит внутренний мир художника, и смыслы, которые зритель находит в картине, черпаются им в значительно большей степени из культуры, чем из действительности самой по себе. Эти смыслы имеют не материальное, а идеальное бытие, и именно к этой стороне произведений искусства относится определение «виртуальный» [2, с. 34]. В реальной действительности эти смыслы не существуют, они населяют идеальные, виртуальные миры, порождая, однако, эффекты вполне реальные и способные воздействовать самым непосредственным образом на реципиента.

Так, вполне допустимо говорить о наличии собственных виртуальных миров, порожденных творчеством Л. Толстого или М. Пруста, Ф. Феллини или С. Дали. Конечно, их онтологический статус выглядит иным, чем у виртуальных миров, например, в физике элементарных частиц. Это позволяет применять при анализе произведений искусства такие методологические принципы постнеклассической науки, как дополнительность и неопределенность, интегрируемые в обобщенный принцип антропности и коммуницируемости.

Вывод. Становление постнеклассической науки, а в ее контексте – синергетики, информатики, комплекса когнитивных наук с их «сетевыми» принципами открытости, неравновесности, самоорганизации, подчиненности, кольцевой причинности, обратной связи между уровнями, существенным образом проблематизирует статус тех «фундаменталистских» представлений, согласно которым подлинно истинными, реально существующими, объективно истинными считаются некие онтологические исходные константы, «порождающие начала», а все остальное – вторичное и порожденное – это мир искусственного, сконструированного, субъективного, неподлинного, а потому неистинного, и в итоге даже нереального. Мы видим, что одним из актуальных современных критериев вновь становится истинность, но понимаемая специфически: «Истина – это ответственность». В постнеклассической науке этот критерий предполагает формирование

нового ответственного трансдисциплинарного субъекта, несущего ответственность за истину человеческого бытия в развивающемся мире [1, с. 28]. Таким образом, тезис В.С. Степина об открытости постнеклассической рациональности субъективным ценностям и постулированные Н.А. Носовым характеристики виртуальных реальностей обретают свой гуманистический смысл.

Список литературы: 1. Аршинов В.И., Лебедев М.В. Постнеклассическая рациональность, виртуалистика и информационные технологии // Филос. науки, 2007. – № 7. – С. 9-29. 2. Мамчур Е.А., Скорупская Ю.Г. Виртуальные миры искусства и науки: проблема референции // Филос. науки, 2007. - №7. – С. 32-48. 3. Стёпин В.С. Теоретическое знание. – М.: Республика, 1999. – С. 381-389. 4. Хоружий С.С. Род или недород? // Вопросы философии. 1997. - № 6. – С. 53-68.

Поступила в редколлегию 15.03.08

УДК 141.2

И.В. ВЛАДЛЕНОВА, канд. филос. наук

ДРЕВНЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГАРМОНИИ СФЕР И СОВРЕМЕННЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ СТРУН

У статті аналізується проблема взаємного обумовлення знання. Для доказу проводиться компаративний аналіз давніх уявлень про математичну архітектоніку космосу з сучасними фізичними теоріями струн. Обоснується психологічна та соціокультурна обумовленість знання, яка проявляється у прагненні бачити гармонійну красоту та простоту у своїх теоріях.

В статье анализируется проблема преемствования знания. В качестве обоснования проводится компаративный анализ древних представлений о математической архитектонике космоса с современными физическими теориями струн. Доказывается влияние на построение концепций особенности психологического восприятия окружающего мира человеком.

A problem which is passed from a generation to a generation is analysed in the article. As a result the comparative analysis of ancient pictures is conducted of mathematical device of space with the modern physical theories of strings. That is psychological feature of cognition of the world is proved.

Степень изученности проблемы. Представления о музыкально-математической архитектонике космоса уходят в глубь веков. Видение музыкального звучания планет, солнца, луны и сфер воодушевляли на философские поиски Аристотеля, Платона, Пифагора. В дальнейшем их идеи развивали неопифагорейцы и неоплатоники. Теория гармонии сфер пронизывает научные построения Кеплера, творчество Гете, Шекспира. Не были чужды идеи о числовой гармонии, цветомузыке Ньютону и Эйнштейну, Вернадскому, Винеру. Звуки, музыка, действительно переводимы в числовые соотношения: к примеру, разность звуков, вызываемых ударами молоточков,